

Внутренняя форма языка и внутренняя форма слова

В.А. ПИЩАЛЬНИКОВА
Москва (К 150-летию со дня рождения А.А. Потебни)

(Окончание)

В. фон Гумбольдт говорит о том, что язык как специфическая деятельность человека может осуществляться в одном направлении, но по разным путям, или формам, которые так или иначе отражаются в законах развития языков. При этом в своих «интеллектуальных приемах» языки не одинаковы (чем определяются различия – вопрос особый, и мы его затрагивать не будем).

В. фон Гумбольдта выделяет три направления мыслительной деятельности как создания внутренней формы языка (их можно выделить только в анализе, в реальности же это единый мыслительный процесс): первое направлено на познание явлений (предметов, отношений и т.д.) с целью выявления существенных признаков соотносимых с ними понятий (здесь важны полнота и правильность выделенных признаков); второе – на установление отношений между понятиями; третье – на синтезирование их со звуковой формой. И если вспомнить главную идею В. фон Гумбольдта о языке как деятельности, то становится понятным, что «смысл может существовать в каких угодно онтологических формах, но мыслится он необходимо в формах слова-понятия» [Шпет 2006: 51]. Основа установления отношений между понятиями – «общие формы созерцания и логического упорядочения

понятий», которые образуют «обозримую систему». При этом «слово – не эквивалент чувственного предмета, а постижение его в звуковом порождении в определенный момент словоизобретения (разрядка моя. – В.П.)», т.е. фактически слово возникает в момент установления изоморфизма этих трех составляющих мыслительной деятельности: «характер языка состоит в способе связи (in Art der Verbindung) мысли со звуком» [Там же: 27]. Интеллектуальные способы объединения этих трех составляющих и есть внутренняя форма языка. В. фон Гумбольдт пишет, что понятия «самодеятельно» образованы духом в процессе создания языка. С полным основанием это можно отнести и к внутренней форме языка.

И именно здесь находится источник национального своеобразия внутренней формы: во всех трех направлениях языкотворческой деятельности возможно проявление субъективного и объективного начал. «Национальное различие сказывается как в образовании отдельных понятий, так и в богатстве языка понятиями известного рода» [Там же: 23], а также в характере сочетаемости понятий. Эти особенности очень трудно определить, поскольку они только отчасти отражаются во внешних формах языка.

Таким образом, внутренняя форма языка – это некие единооб-

Начало статьи см. в № 9.

разные способы установления корреляций между артикулированным (соотнесенным со смыслом) звуком и выражением мысли. Существование таких способов немислимо вне языковой субстанции. Поэтому внутренняя форма языка немислима без внешней формы – «в конкретной реальности языкового бытия» они тождественны. Внутренняя форма реализуется в различных внешних формах звука, слова и грамматических отношений, значения. Это формирующее начало в языке, поэтому мельчайший языковой элемент содержит в зародыше все, что любой другой, даже самый сложный: все элементы языка изоморфны с точки зрения фиксации внутренней формы.

Такое понимание внутренней формы языка позволяет не только представить весь ее методологический потенциал, но и использовать при разработке методов анализа языка. Вместе с тем внутренняя форма языка – это общие способы мыслительной деятельности, которые обнаруживаются в совокупности психических процессов, осуществляемых индивидами. Поэтому они не словесны, но могут фиксироваться в языке, образуя синкретичные элементы речемыслительной деятельности, которые В. фон Гумбольдт называет понятиями. Отсюда и идея Гумбольдта о двух языках – «вторичном» языке как мертвом произведении, наборе внешних форм, и глубинном языке как подлинной действительности языка.

Специфическое преломление нашла идея внутренней формы языка в теоретических воззрениях А.А. Потебни, который, разработывая идею В. фон Гумбольдта в применении к слову, акцентировал, что исследователь всегда имеет дело с уже сложившейся системой языка, со сложившейся внутренней формой: «мы имеем дело не с началом, а с продолжением; но о начале мы можем судить по качеству продолжения, ибо никогда мысль человеческая не доходит до самого начала» [Потебня 1989: 215]; «История, как бы широко ее ни понимали, уже

застает человека говорящим» [Там же: 213]. Но слово всегда содержит «признак, взятый из значения предшествующего слова и служащий знаком значения данного слова» [Там же: 212]. Этот признак – не фиксация какого-то реального свойства предмета, а слово – не средство выражения готовой мысли, а «овнешнители» внутренней формы языка, что и позволяет слову «преобразовывать впечатление для создания новой мысли», позволяет «осуществлять сознательную деятельность, увязывать отдельные впечатления в систему понятий» [Там же: 214], осуществить «сокращение труда мысли». Каждое слово потому является для человека «средством сравнения», что позволяет объяснить новое впечатление акцентированием того или иного аспекта значения этого слова. Это основание сравнения А.А. Потебни и называет представлением, которое может служить базой для категоризации реалий действительности по разным основаниям. (Как пишет А.А. Потебня, словом *корова* можно назвать не только разных коров, но и оленя, если для индивида психологически актуальным станет признак их «рогатости».) Именно поэтому, по А.А. Потебне, внутренняя форма слова оказывается гораздо шире этимологических явлений (вопреки утвердившемуся мнению), поскольку внутренняя форма – это вообще способ связи смысла со звуком. В сложившемся языке внутренняя форма осуществляется в устойчивых отношениях между единицами языка, в процессах речевой деятельности, она стимулирует и направляет смыслообразование.

А.А. Потебня определяет сущность внутренней формы слова как образ образов: «Внутренняя форма, кроме фактического единства образа, дает еще знание этого единства; она есть не образ предмета, а образ образа, то есть представление» [Потебня 1989: 131]. Иногда исследователи называют такое определение слишком обобщенным, но оно как раз отражает сущность гумбольдтовской идеи о внутренней форме как общих способах мыслительной деятельности, которые обнаруживаются в совокупности

психических процессов, осуществляемых индивидами; это «общее между двумя сравнимаемыми сложными мысленными единицами, или основание сравнения, *tertium comparationis* в слове» (цит. по: [Хрестоматия 1958: 125]). Каждый индивид в силу психофизиологической организации создает свое ментальное образование, соотносимое с определенной реальией действительности, которое может быть названо психологически актуальным значением. Но чтобы содержание этого образования стало достоянием других, необходим вполне определенный способ его объективации. Такой способ может выработаться только эволюционно в результате постепенной интеграции и генерализации индивидуальных ментальных образований. Вспомним в связи с этим, что, по В. фон Гумбольдту, с самого своего начала язык порождается не только внешней необходимостью общения, но и чисто внутренними потребностями человечества, лежащими в самой природе человеческого духа.

Формирующиеся в процессе речевой деятельности социума языковые формы, в свою очередь, воздействуют на становление других: язык становится механизмом интеграции разных психических форм.

А.А. Потебня, как и В. фон Гумбольдт, выделяет частные случаи внутренней формы слова – этимологическую, словосочетательную и звуко-символическую.

Образ образов А.А. Потебни – это закон организации любого представления в цельное нечто, «средство создания единства чувственного образа», слово – не «знак готовой мысли», а «ее орган <...>, средство добывать ее из рудников своей души»; «слово служит лишь точкой опоры для мысли» [Там же]. И снова это переосмысление В. фон Гумбольдта, для которого представление должно соединиться с определенным способом своей фиксации в языке, чтобы стать понятием. Следовательно, сущность слова больше, чем сумма познанных признаков реальности: главное для языка заключается в том, что эта совокупность признаков коррелирует с определенным способом их представ-

ления в языке и образует функционально неразложимое единство – слово. При этом «при возникновении слова действительные мысли есть сравнение двух мысленных комплексов (связок), а именно – вновь познаваемого (х) и прежде познанного (А), причем между тем и другим оказывается точка соприкосновения (а). Это а и есть представление, иначе – средство сравнения, *tertium comparationis*, знак значения, символ», т.е. этимологическая внутренняя форма – «не образ предмета, а образ образа», синкретичное единство образа предмета и способа его фиксации в языке.

Поэтому, по А.А. Потебне, признаковая (этимологическая и пр.) внутренняя форма факультативна, а «слово» обязательно. Слово с определенным значением – это единица языка, но слово – это еще и операциональная единица мышления, объединяющая представление о реалии в «цельноосмысленное единство», потому что внутренняя форма языка – это единый формирующий принцип языка, который определяет речемыслительный процесс.

Конституирующим компонентом значения является представление, поскольку оно стабилизирует, объединяет в систему познавательные признаки, обнаруженные мышлением в процессе познания реальности. Вот почему внутренняя форма языка – это способ организации структуры значения слова, вот почему «внутренняя форма слова, произнесенного говорящим, дает направление мысли слушающего, но она только возбуждает этого последнего, дает только способ развития в нем значений, не назначая пределов его пониманию слова. Слово одинаково принадлежит и говорящему, и слушающему, а потому значение его состоит не в том, что оно имеет определенный смысл для говорящего, а в том, что оно способно иметь смысл вообще. Только в силу того, что содержание слова способно расти, слово может быть средством понимать другого» [Потебня 1989: 166].

Говорящий не осознает внутреннюю форму языка (способ, каким признак, изначально ставший конституирующим при образовании значения, представлен в сло-

ве), даже если этимон слова ему известен. Более того, в речевой деятельности осуществляется психологическая актуализация разных признаков в структуре значения, что приводит к изменению внешней формы слова.

Описывая процесс понимания речи, А.А. Потебня отмечает, что оно прежде всего осуществляется на основе «запаса мысли», «комплекса мысли», в котором некое представление как способ фиксации этого «комплекса» не осознается, однако звуковая оболочка, в свое время оформившая этот способ, актуализирует весь комплекс, всю познавательную структуру в силу принципиальной непрерывности, континуальности связи ее компонентов. Безусловно, что эти структуры – «объясняющие комплексы» – различны, ибо «разница их состава зависит не только от различия прежних восприятий, но и от различия сочетаний, в которые вошли эти восприятия с другими». По сути, современная лингвистика, утверждающая, что различие таких структур объясняется различиями в ассоциативно-апперцепционном характере мышления, полностью повторяет положение А.А. Потебни.

В современной лингвистике понятие внутренней формы языка практически заменяется понятием внутренней формы слова, к тому же только одним ее видом – этимологическим. Так, утверждается, что «внутренняя форма слова – семантическая и структурная соотношенность составляющих слово морфем с другими морфемами данного языка», способная возникать в представлении говорящих при анализе структуры этого слова, а также «признак, положенный в основу номинации при образовании нового лексического значения слова» [ЛЭС 1990: 85]. Очевидно, что такое понимание соответствует гумбольдтовскому понятию внешней формы языка. При этом указывается, что «внутренняя форма слова указывает на причину, по ко-

торой данное значение оказалось выраженным именно данным сочетанием звуков». Это, скорее, может относиться к проявлению отношений мотивированности в системе языка, но никак не проявляется понятие внутренней формы языка. Смешивается последняя и с признаком номинации: «Признак, лежащий в основе номинации, не обязательно является существенным; он может быть попросту ярким, бросающимся в глаза. Этим объясняется тот факт, что в разных языках одно и то же явление может быть названо на основе выделения различных признаков, ср. рус. *портной* от *порты* ‘одежда’, нем. *Schneider* от *schneiden* ‘резать’, болг. *шивач* от *шива* ‘шить’» [Там же].

ЛИТЕРАТУРА

Аничков И.Е. Труды по языкознанию. – СПб., 1997.

Блинова О.И. Внутренняя форма слова: мифы и реальность // Вестник Томского ун-та. Филология. Лингвистика. – 2012. – № 4 (20).

Внутренняя форма слова // Лингвистический энциклопедический словарь. – М., 1990 [ЛЭС].

Гумбольдт В. фон. Избранные труды по языкознанию. – М., 1984.

Зализняк Анна А. Проблема внутренней формы слова в типологическом аспекте // Язык. Личность. Текст. – М., 2005.

Лосев А.Ф. Знак. Символ. Миф. – М., 1982.

Переписка Франца Боппа и Вильгельма Гумбольдта. – М., 2009.

Потебня А.А. Мысль и язык // Потебня А.А. Слово и миф. – М., 1989.

Потебня А.А. Психология поэтического и прозаического мышления // Потебня А.А. Слово и миф. – М., 1989.

Хрестоматия по истории языкознания XIX–XX веков. – М., 1958.

Шпет Г.Г. Внутренняя форма слова: Этюды и вариации на темы Гумбольдта. – М., 2006.